28311

ПИСНИ

и

РОЗМОВА.

Валковськои селянки

Маруси Вольвачивны.

Цѣна 15 коп.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер. д. № 17.
1896.

283 II 30

ПИСНИ и РОЗМОВА.

Валковськои селянкы

Маруси Вольвачивны.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер. д. № 17.
1896.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 28-го Марта 1896 года.

1.

БАТЬКОВА СПОВИДЬ.

На высокій гори шумивъ зеленый лисъ, а по пидъ горою, вздовшъ рички, простяглася слобода—*Цвиркуниівка*. Спочатку села стояла чепурна хата на дви половины; у двори комора, высокій хливъ, хливчыкы и не подалечку тикъ зъ стижкамы. Скризь було чепурно, звычайно, заразъ выдно, що тутъ порядкувала голова разумнаго чоловика. Пидъ хатою, на прыспи, у билій сороцци, сыдивъ старый *Петро Копотунъ*. На голови его волосья и борода били якъ лунь, щокы позападалы, на выду глыбоки зморщкы, и на очи насунулысь густи сыви бровы. Винъ сыдивъ зигнувшись и по троху кахыкавъ.

Поручь зъ нимъ сыдивъ другій чоловикъ, молодчій видъ его. Се бувъ его сынъ.

И батько, кахыкаючи, почавъ ему раскаэуваты:

„Слухай, сыну, моя дытыно,
Що маю казаты.
Гниты душу давня дія—
Треба спокутаты.
Дни зличыни мого жыття,
Дуже вже хирію,
Скажу, сыну, се не брыдня,
За що серцемъ млію“.

Якъ булы вы ще маленьки, а мы зъ жинкою, а твоею матерью, жылы тоди дуже убого, не пылы й не гулялы, а у копійци дуже нуждалысь. Земли у мене було на одну душу, та и тягла свого не малы, та й кландаешъ було людей, щобъ выоралы, та заволочилы, а тутъ дывысь Бигъ ма врожаю, та хочь и врожай, та що-жъ тамъ того хлибця на одну душу? Дуже ку, сынку, бидкалысь у шматкови хлиба. Що зъ снопа жалы, то зъ миркы молотывъ, якъ е у добрыхъ людей, а якъ не доридъ годъ й два и—и усего доводылось тырпиты. Якъ мы не бидковалыся, моя дытыно, а щобъ чуже що зачыпыты, покорыстуватыся чужою ныткою о, боронь Боже, сего зъроду не було.

Оце було въ осены, пороблюся у людей покы воны пооброблюются, а зимою яка зъ мене робота бизъ тягла. Сыдю у хати, та колы не вырытена стружу, то ложкы выризою, а якъ

напряде жинка пряжи, то й ятыривъ наплыту, а бо й волокъ выплыту. Такъ и перебывалысь де якъ. Ото одніи зимы добрячій я выплывъ волокъ, а купця, якъ на те й, не трапылось. Я узявъ ёго, та й повисывъ на бантыну на горищи. Высыть той волокъ, тай высыть, а мы про се й бай—дуже, зовсимъ забулы. Ото дожылы мы и до Ильи, сыдымо зъ жынкою тай й балакаемо: люды, кажу, ряхаюцця до ярмаркы ихаты, пійшовъ бы и я, да низчымъ, а жынка й каже: „якъ низчымъ, а зъ волокомъ?“ Дывысь, кажу, дурный! Я, пакъ, и забувъ, що е волокъ; спасиби, кажу, що згадала. Иды-жъ, мерщій, тай здіймай ёго, а я буду ряхатысь швыдче до ярмаркы. „Гляды-жъ, каже жынка, якъ продасы волокъ, то не дуже тринькай гришмы, ничого тамъ не купуй, а несы до дому—я сама знаю куды ихъ повернуты, а то ты такый, що й минтусывъ накупышь; та вызьмы зъ дому хлиба, щобъ тамъ не куповаты, не забудь и нижъ укынуты у торбу, щобъ було чымъ хлиба выдризаты, а то ты якъ почнешь рукамы лупаты, то и разкрышишь, а хлиба крышыты грихъ“, додала вона. Та годи кажу, тоби, дорикаты, докы ты мене будышь учыты, якъ малого хлбпця? Хиба я самъ не знаю, та трохы, трохы було-й не посварылыся. Изъ неи була добряча господарька, та вже-жъ було, покійныця, и доброи мини морквы выскрыбе. Ото прійшовъ я на ярмарку, а ярмарка вылыка зибралась: краму того,

краму понадалы, наче зъ усего свиту; кругомъ яткы понапынаты, а на прылавкахъ поразкладуванный крамъ: чыркысына, тяжына, мыкытонъ, дрыгонъ, мыткаль, плысъ, байка, ганитуръ, синтитюръ. Тутъ же й набійщыкъ зъ набывкою, якъ обступылы его бабы, та молодыци, такъ куды тоби!... Ти й крамари зъкрамомъ, хай воны геть витступлюця. Тутъ ятка зъ ласощамы, а тамъ друга зъ червоннымы очипкамы, а криминцивъ, та гаманцивъ и кисетивъ всякихъ цвитивъ...

И наши жынки, бачь крамарькы, торгувалы валомъ: поручь люлькы, маютъ стёжкы; тутъ и щытыныкъ зъ крамомъ, и москаль коробейникъ выкладае: ладынъ, перець и корыцю; тутъ и ятка зъ медяныкамы, збытынщыкъ зъ збытнемъ, пе́ре́купка зъ мынтусамы, зъ усымъ смачнымъ, сытнымъ. Тамъ вухнали, чапліи, лынтвари, чоботы юхтови, шапки, свыткы, поясы коломайковы; тутъ лымиши и чересла, тутъ лопаты, а тамъ весла, ложкы, веретена и горшки водолазьки, тутъ же й куклы, мовъ живи вразьки; а тамъ борошно й пшыныця, вивци й скотъ рогатый, тамъ и свыньи, тамъ и птыця—ярмарокъ богатый. А чумакивъ у скильки рядывъ зъ силью запрудылы, бачь, то самы до Крыму ходылы. И якои рыбы не надалы: тутъ тараня, тамъ чахоня и рыбець копченій, тутъ лускыря, талавыря, та и чабакъ солоный, а оселедцивъ, оселедцивъ, та щей оселедчикивъ, усе таке смачне, гарне, начы-бъ

очима іивъ, та—нема грошій.—Ото вже повыходыли люды зъ церквы, купци закликають до себе покупатыливъ, а перекупкы тежъ соби крычать: „пухкыхъ буханцивъ, горячихъ блинцивъ зъ сыромъ пырогивъ, солодкихъ маковикивъ, добрыхъ горохьяныкивъ“. А тамъ крычать: „бубликивъ водолазьскихъ, бубликивъ“. А дивчата, мовъ макивки, повбирани у празнышнеи одежи, ходять по ярмарку, пишающця, та хихикають, а за нымы порубкы ажъ по пьятахъ бьюцця, та распытуюця: „чія ото, а то чья?“ Тутъ слухаю—Маруся до Грицька: „Грыцю, Грыцю, купы мини гостынця, того що у банци, отихъ канафетивъ, що золотыми нyткамы позамотувани!“ А Грыцько почавъ іи штукуваты: „ачь яка ласа, якого гостынця забажала, а сусульку за копійку не хочышь?“ „Дежъ пакъ чи не гостиниць, хиба я мала дытына чи що, що буду сусулькою забавляцця?“ отповидала Маруся и закопылыла губу. Тутъ Грыцько давай коло неи панькаты, покы вона видсердылась. А тутъ знову слухаю, Катря до Савкы: „Савко, Савко, купы мини кисныка“. Савка тежъ, почавъ хымеры выкыдаты: „якого тоби купыты рыжаго, чи чорнаго?“ „Повись соби на шыю тыхъ кисныкивъ“, почала Катря, на биса воны мини здалысь, ты купы стёжку ту, що выпливъ зъ косы ще на риздвяныхъ святкахъ, казавъ куплю кращу, та й збрыхавъ. Такъ, такъ, моя голубко, такъ се тоби треба купыты стёжку у косу, а я думавъ того ки-

сныка, що косы продають, та й питаю якого?“ И пишовъ скризь регитъ про мижъ хлопцивъ. Тутъ якъ закипила ярмарка тильки чуты одынъ гулъ: скотына реве, гусы та гындыкы крычать, свыни ковичать, а люды мовъ бджёлы гудуть и слова не второпаешь, а цыганкы шныряють, ажъ не тямлюця, промижъ дивчатамы та молодыцямы, та все ихъ одурюють: кому дають приворотня, а кому видворотня, а той прыворотынь и видворотынь одне й тежъ: колы не гычка зъ редькы, то шкурка зъ рипы, бо се запевне бачылы мои очы. А я все носюсь тай носюсь зъ своимъ волокомъ. Колы тутъ спиткався и до мого товару купець. Поторгувалысь, ударылы по рукахъ и продавъ я волокъ.

Чого думаю моматысь
Вытришкы ловыты,
Та й до дому якъ звыртатысь?
Треба щось купыты.
Знаю, диты, мали въ хати,
Будутъ зостричаты,
„А що, тату, принисъ меди?“
И почнуть пытаты...

Що ты имъ будышь казаты, та й у самого ныма тютюну й крыхты, а хочыцця покурыты, бо давно, кудысь то, жинка й люльку, къ бису запроторыла, щобъ не купывъ тютюну и не курывъ, бо вона, покійныця, дуже не вжевала тютюну. Ну, думаю, запроторыла ты мою люль-

ку, не буду-жъ и я тоби потураты, а куплю соби те, що мини треба, та й годи. Хай вона хочь не лаецця, купывъ коныкивъ, сусулёкъ, свыстунивъ—дитямъ забавляцця, а соби тютюну папушу, куплю кажу й люльку, та й до дому рушу. А це слухаю цыганы выгукають, та выкрыкують, бигаюче навзаводы зъ чоловикамы на коняхъ. Пиду думаю и я подывлюся на цыганьску удаль, якъ воны одурюють людей. Ото я й прышовъ туды, дывлюсь, чоловикъ стоитъ соби зъ добрымъ конькомъ, а его обступылы цыганы, а одынъ цыганъ держе свою клячу кобылу. „Ну, чоловиче добрій, давай киньми минятыся, чи що?“ почавъ винъ, „скильки дасы придачи за свою коняку?“

Чоловикъ усмихнувся: „Завищо-жъ тоби даваты придачи, за оцю кобылу, що у неи й ребра свитятся, та іи гидко й скипкамы узяты, а не то що за такого орла, якъ мій кинь, та ще придачи даваты, та я не хочу на неи й дивытысь, а не то що мынятысь.“ „Хе-хе-хе, зарыготався цыганъ, та ты, батьку, подывыся на сю кобылу, се кобыла не проста, вона нагайська; ось давай на выпырыдкы, то ты на своему кони не то що выпырыдышь, а й не наздогонышь моей кобылы. Дывысь, яка вона добряча“, та и хотивъ іи погладыты, але вона, мовъ чмыленна, почала сопты, хропты, вырыватысь, „бачь, батьку, яка вона басовыта що й не вдержышь,“ додавъ цыганъ. Чоловикъ зновъ усмихнувся: „дежъ—пакъ чи не

басовыта; а ты-жъ, бува часомъ, якъ сядышь на неи, то не звалышь іи?“ Чоловикъ почавъ кипьятытысь: „Якъ щобъ я на своему гнидому не выпырыдывъ твоеи клячи? Та я на якій хочь закладъ бытымуся, що выпырыдю.“ „Ну, ну, чоловиче добрій, почавъ цыганъ: якъ на закладъ, той на закладъ. „На скильки скажешь, настильки бытымусь“. Цыганъ трохи замыслывся; ему ридко доводылося чуть, щобъ такъ вохотно былыся чоловыкы съ цыганамы, та щей на такій закладъ, якій цыганы ставлють; але винъ заразъ обмиркувавъ, що не можы его одурыты, а ёму хочецця якъ небудь у чоловика коня выдурыты.

„Ну, добре, каже, батьку, якъ ты выпырыдышь мене, то я тоби витдамъ дурнисенько оцю кобылу добрячу, а якъ я, то ты мини витдасы свого коня“. „Э, ни, цыгану, я такъ не хочу, а колы хочь, то давай на гроши быться и закладъ на рукы“. „Ну, добре, батьку, отповидавъ той и вдарылы по рукахъ. Тутъ зибралыся цыганы, пидступылы й чоловикы; закладчикы умовылыся до якого мисця бигты навыпырыдкы и витдалы закладъ за рукы: цыганъ - цыганамъ а чоловикъ—чоловикамъ, и хто попереду добижить, того й закладъ. Ото воны посидалы на коній и поставалы у рядъ; пидъ чоловикомъ кинь такъ и забасувавъ, та загарцювавъ що й ну; а цыганъ якъ смыкнувъ вузду, а ёго кобыла зробылась, мовъ, не самовыта: здригнула, засопла,

вытрыщыла свои банькы и готова лизты, хочь на камяну гору, бо вона добре помьятуе цыганову муштру, якъ винъ іи зучывъ нагаёю, та дававъ пидъ бокы закаблукамы, въ котри набыти маленьки шпылькы; ото-жъ воны вже й побиглы на выпырыдкы. Цыганъ выгукае, та выкрыкуе, маха локтямы й ногамы и вже далеченько покынувъ чоловика, тутъ заразъ, де яки чоловикы, почалы балакаты: „Отъ же и сего одурыть чоловика, бо винъ сегодня вже не першаго одурюе сіею кобылою, дарма що вона погана на поглядъ“. А се, дывлюся, чоловикъ якъ прыпне свого коня, выпырыдывъ цыгана, и пробигъ те мисце геть соби далеченько, а цыганъ все такы за нымъ трюхы—трюхы, та й зупынывся на тимъ мисци. Чоловикъ вырнувся назадъ, та й кажы: „а що, цыганы, я й казавъ, що пропаде твоихъ двадцать корбованцивъ, ось бачь и пропалы“. „Якъ пропалы мои гроши“? „Батьку, почавъ цыганъ, отъ же я першій зупынывся на умовлыннимъ мисци—значыть мій закладъ“.

„Якъ, кажы чоловикъ, твій? яжъ тыбе выпырыдывъ и пробигъ, значить мій закладъ“. „Дарма, що ты мене выпырыдывъ, а я все такы зупынывся першій на симъ мисци, тыбе жъ тутъ не було“. „Э, ни, цыгану, се вже ты брешышь, сего не буды, щобъ я давъ тоби закладъ, ходимо лышень, до гурту, що люды скажуть!“ „Ну, годи, годи, не сердся, добрій чоловиче, яжъ тоби кажу по правди, по сови-

сты“. „Ты кажышь, цыгану, по цыганьскій совисты, а я буду робыты по чоловичій, промовывъ чоловикъ. Отто пріихалы воны до гурту, и завылыся сварытыся: чоловикъ праве закладъ, а цыганы не дають; тутъ люды оступылысь за чоловика, а цыганы за цыгана; пиднялася лайка, а дали дійшло й до бійки, набиглы дысятныки, прибигъ и панъ становый разбираты дило, а цыганы йому тыкають гроши у жменю, а я, мерщій, звыттыля навтикача, щобъ не буты свидытылымъ, хай йому, кажу, абы що“!

Дывлюся зибралась купка народу, та таки смутни, де яки ажъ плачуть, пидперлыся пидъ щокы рукамы и хитають головамы, я й соби тута, колы дывлюсь:

Сыдыть кобзарь край дорози,
Та на кобзу грае,
Поводы билыми очима
Лазоря спивае
И киптюга густа, сира
Его покрывае,
И чупрыну ёго сыву
Витыръ розвивае;
И пазуха разхрыстана,
Солнце груды палы,
И выдъ дуже поморщеній,
Й щокы повпадалы.. ...

Скинчавъ винъ свои спивы, тутъ подалы йому мылостыню: хто копійку, хто пырижокъ,

а хто кныша шматокъ; подавъ и я, що Богъ давъ.—Ну теперъ-же пиду у чумацьки ряды, та куплю оселедця, хочь жинка й не вылила гришмы трынькаты, а шо-жъ то за ярмарокъ, колы й оселедця не посолонцюешь? Тилькы що напрямывся йты, ось слухаю, на ярмарци така учынылась баталія, що й лыхо. Шо-жъ воно таке?... Мовъ бы то сварка, такъ и регитъ чуты. Я й соби туды, а се запевне правда, що смихъ и сварка: тамъ торгувала сластённыця, а дивчата й накынулыся купуваты сластёны, вистымо, заплатывши гроши, почалы ихъ йсты; а тутъ де не взялыся паруботство, та й давай шкылюваты: „Чего се вы, дивчата, накупылы, завищо грошы заплатылы? якъ вы його йсте, хиба не знаете, що сластёны пычуть зъ вискряками“. О лышечко, якъ покамызылыся дивчата, та й давай шпурляты сластённыци назадъ сластёны, а перекупка не верта грошій, та кида имъ зновъ у пыку, та лае парубкивъ: „Звидкиль прынысла васъ гемоньска маты, чортовыхъ лабурякивъ, що се вы ка зна що выгадуете? а вы дурни, дивчата, потураете на ихъ брехни“. А парубкы огрызаются, а людей все бильшъ збираецця до купы и такій регитъ учынылы на всю ярмарку... Дивчата позасоромылыся, та й повтикалы геть. Отто я звиттыля й пишовъ купыты оселедця; а се дывлюсь зразу кудысь народъ шарахнувъ, та такъ поспишають, що ажъ турляють одно другого. Що-жъ воно,

думаю, таке тамъ за дывовызія? питы бъ и соби подывытысь? Ни, куплю попереду оселедця. Ну й купывъ оселедця, положывъ його гарненько у торбыну до усякои покупкы, та й пишовъ того дыва шукаты. Дывывсь, дывывсь—ничого не выдко, а стоить таке, що хто зна й що: ятка ни ятка, будка не будка; обійшовъ я кругомъ, ни виконъ, ни двырей, а въ середыни регитъ. Я постукавъ кулакомъ, а стина гнецця. Оце-жъ, думаю, и е та сама дывовызія, и дуже пожалкувавъ, чого я дурный тамъ гавивъ ловывъ, того й проворонывъ и хотивъ йты геть. Колы се дывлюсь, передъ самимъ моимъ носомъ загортаецця, загортаецця вгору вузесынька смужечка, тошнисынько такъ, якъ у насъ загортаецця зимою соломьяныкъ надъ виконыцею. Изъ тееи смужечкы зробылыся двери; якъ повалывъ жы звиттеля народъ, такъ выдымо й невыдымо, бильшъ якъ у насъ на вылыкъ день зъ церквы. Отто повыходылы уси, та рыгочуцця, а я усе думаю, що воно за дыво? Заглянувъ у середыну—не выдко ничого, колы слухаю: „пожалуйты, пожалуйты на кумедію!“... почавъ москаль заклыкаты. Оттуды, кажу, къ бису, та се кумедія! Ну, хай жынка якъ не ярыпенныцця, що гроши потратывъ, а я пиду у кумедію, та й пишовъ. Ну вже жъ и кумедія була чудна, такъ зъ роду не можно було, сыну, подуматы, щобъ то куклы такъ хымерно прыставлялы. Отто заразъ выскочивъ москаль зъ московкою,

танцювалы, танцювалы, та таки выкрутасы выроблювалы, а дали обнялыся, поцилувалысь и проволылысь. Потимъ выскочивъ козакъ зъ козачкою, тежъ танцювалы, та выхылясы одынъ передъ другимъ выроблялы, обнялысь, поцилувалысь, та й ти кудысь провалылысь къ гемоньскій матери; а се выскочывъ й нашъ землякъ изъ своею жинкою, та що вже чепурный, та ззодягнутый бойко, куды хочь козакъ—самъ чорнобривый, штаны сыни, сорочька цяцькована, червоннымъ поясомъ пидперезанный, на голови сыва кучьма, а вусыщи якъ оселедци, та що вже за хымерній чоловикъ, такъ хымерній; якъ узявся у бокы, такъ пишовъ зъ жынкою танцюваты, що-ажъ луна йде, потимъ обнялысь и провалылись, а дали зновъ выскочылы: „выбачайте, каже, панови, мы забулы поцилуватысь, та якъ чмокны жынку на всю кумедію. Якъ пиднялы регитъ чоловики: отъ кажуть поцилувавсь, такъ поцилувавсь, якъ настоящій чоловикъ изъ жинкою. А що вже начудывъ носатый ванька: якъ пишовъ винъ танцюваты изъ своею душынькою, та ще й приспивуе: „здрастуй мылая, хорошая моя, чорноброва, ты похожа на меня“, а самъ передъ нею вертыцця, мовъ на шрубахъ; поцилувавъ, та й пихнувъ геть видъ себе у потылыцю, а дали узявъ макогинъ, та й сивъ на дошку и ногы до насъ звысывъ. Якъ его можно подуматы, що то куклы? та то мара якась; а се дывлюсь зъ другого кинця кра-

дыцця здоровій, высокій, кудлатый, та пелыхатый сирко, выскалывъ зубы, та й гарчыть до Ваньки, а Ванька якъ торохны его макагономъ по пыци, а сирко назадъ, та й зновъ крадыцця; той його у другы торохнувъ, а за третьимъ разомъ якъ клацны зубами, тай ухопывъ Ваньку за нисъ, а дали за голову ажъ по поясъ, а той крычить: „Калавуръ, пропавъ, пропавъ“, а самъ нижкамы—мель, мель, мель. А люды рыгочюцця ажъ за живитъ быруцця: отъ кумедія, такъ кумедія. Отто выйшовъ я звиттеля, тай балакаемо зъ однымъ чоловикомъ: якъ отто, кажу, щобъ куклы, та балакалы по чоловичему; чи воно заправду балакалы, чи воно намъ очи видводыло? „А вистымо видводыло“ отповидавъ той, та ще й обмарило, того воно намъ и здаецця, що куклы танцюють и балакають“, такъ мы й розійшлыся. А мини вже добре йысты захотилось; шо його казаты, думаю, и страшно жынки, и хочыцця выпыты чарчыну, щобъ хочь чирвяка заморыты. Ну вже-жъ, де оселедыць, то тамъ и горилка та й потягъ соби до шинку. А тамъ шинкарь выбивае у потылыцю жынку изъ шинку; о такъ кажу, моя голубко, добазикалась, а усе вынна та чарка, шкебертъ лытыть прочанка.

А у шынку такый гвалтъ, та розказни: те танцюе, те судаче, те спивае, а те плаче; тутъ и чумакъ гуля, музыку найма, та трыпака выбыва. Де не взялася чорнобрыва чепуруха, заразъ до чумака и заспивала:

„Якъ чумака не любыты—
За чумакомъ добри жыты,
Що не жаты, не вязаты,
По табару похожаты“.

А чумакови ся писня, якъ ковынька на руку; винъ заразъ почастувавъ іи горилкою. Тутъ же сыдила бабуся старенька, вже трохы й пьяненька: „чомъ ты, моя голубонька, не заспивала такои письни, якъ моя дочка спивае, та що за чумакомъ“, и начала спиваты:

„Сусидочкы, голубочкы,
Научайты свои дочкы,
Щобъ по ночамъ не ходылы,
Та чумакивъ не любылы.
Чумакъ ходы по дорогахъ,
А чумачка сыдыть дома,
Руба дрова до порога,
А горщечкомъ воду носы,
У сосидокъ солы просы“.

И вона гирко заплакала..... А тутъ же иде размова чоловикивъ, хто купывъ, а хто продавъ; хто назадъ выде быкивъ, а хто шкапу проминявъ.

Тутъ я почувъ и про того чоловика, що бывся объ закладъ зъ цыгаными: „молодець, кажуть, узявъ закладъ соби“. Отто разбалакався я тамъ зъ людьмы, слову, по слову, воны мене почастувалы горилкою. Тыперь, кажу, и я васъ почастую, тай кынувся до

торбы выйматы хлиба, и тильки що доставъ ножа, а тутъ якъ прывалыло нове конпанство до шинку, и пиднявся ще гиршій гармедеръ; я й соби вытрищивъ туды свои баньки, а дали хопывся торбы, сюда-туда ныкъ—нема торбы. Отъ тоби, кажу, и заморывъ чирвяка, а у торби хлибъ и осыледця мавъ, ну чортъ торбу излызавъ, такъ и пропалы уси гостынци, бодай же васъ, лагомынци, чорты былы по носу, що жъ я диткамъ понысу? якъ же тыперь мини и до жинкы показатыся? вона-жъ казала, щобъ я гроши не трынькавъ, а тыперь буды мини видъ неи сто чортивъ и сира свыта. Ой, горычко, чи потраплю-то въ двери, дасть доброи кудели, щобъ я гавивъ не ловывъ, та гостынцивъ не губывъ. Треба хочь ножа до дому прынысты; узявъ його, та й засунувъ за халяву. Иду соби та й свиту не бачу, така мене нудьга узяла; иду, та й иду повысывъ голову, покы й наткнувся на людей. Дывлюсь: чоловикъ продавъ волыкы, а волыкы добрячи, сыти якъ отточуваны, сирои масты, туркати рогы, довги, та товсти хвосты, рыпыци ажъ по пьятамъ бьюцця—добраго заводу, такъ заразъ и выдко доморощени. Не знаю за стилькы винъ ихъ продавъ, а карбованцивъ пивтораста стоють. Отто чоловикъ перехрыстывся, та зъ полы передае купцеви волы, а купець давъ вылыку жмутягу грошій; чоловикъ получывъ ихъ, тай положивъ соби за пазуху. Я пишовъ дальшы, та й ду-

маю—отъ чоловикъ продавъ волыкы, тай гроши мае, а у мене, не то що е зайва скотына, а й робыты ничымъ; цилый викъ труждаесся, а все гирко побываесся. Иду соби сумуючы, тай иду, и вже геть, геть выйшовъ далыченько у поле, а людей ныма ни де и лялечкы. Дывлюсь, на шляху, лыжыть мылница, якъ же то та бидна, крыва людына буды шкандыбаты, що загубыла мылницю? подумавъ я, та взявъ и пишовъ, дальшы. Попутчикивъ мини не лучалося и не весело було ійты самому. Дійшовъ я й до того мисця, де розходюцця дорогы на дви; отъ тутъ, кажу, сяду, та спочыну, можы знайдецця попутчикъ. Сыдивъ, сыдивъ, покурывъ люльку—нема никого. Ну що, думаю сыдиты, та времня гаеты, треба рушаты, а то ниякось йты одному, щобъ часомъ бува не перестрилы звирюкы. А се дывлюсь, замаячыла по дорози людина: э стривай, кажу, хтось иде, можы справди лучицця. Чоловикъ наблыжаецця, а я все бильшъ до нѐго придывляюся. Мини здаецця, що винъ по знаку, а не помнятаю, де я его бачывъ. Стривай, стривай, згадавъ, се той самій чоловикъ, що волыкы продававъ! и у моій голови промайнула не добра гадка: а що якъ-бы завладаты його гришмы? хто буде знаты? дило йде къ ночи..... тилькы якъ його зробыты?... Але заразъ и схаминувся—мини зробылося страшно и самому соби соромно, и я почавъ самъ соби дорикаты: що се я, божевильный

думаю? та и геть, геть прогоню видъ себе лыхи думкы. Ну, боронь Боже, моя дытыно, якъ чоловикъ задума яке лыхе дило, то сатана такъ тебе и пидштрикуе; я назадъ, а воно мини шепче у вуха:

„Слухай, що тоби скажу,
Що помыслывъ не вомпій,
Во всимъ шпарко поможу;
Я помишникъ певній твій,
Лисъ, байракы и сычи
Тилькы й знатымуть въ ночи,
Се таемныки мои
Сычъ не скаже и сови.

Не довго я думавъ, пидперся мылныцію, та й шкандыбаю у попырекъ дорози на зустричь чоловикови. Здорово, кажу, добродію, куды ты простуешь? чи не по одній намъ дорози, то ходимо умисти, а то тутъ, либонь, бы то проявылыся якись лиходіи—шкодять людямъ. Налякаю, думаю його. „А ты-жъ“ каже звиткеля, паны браты?“ Та я изъ слободы *Цвиркунивки*. „А я изъ тіеи слободы, шо за Цвиркунивкою, а зовуть мыне Мыкытою“. Отъ бачь, кажу, и добре, що по одній дорози; перейдымо голу долыну, а тамъ и шинёкъ за рогомъ, прыкурнымо яку хвылыну, тай рушимо зъ Богомъ, усе таки на разсвити не такъ буды страшно йты. „Та я, каже, не боюся, не першій разъ тутъ шляхъ мирію, та хай, Богъ мылуе, ничого не лучалося и тыперъ

не боюся, хочь и протывъ ночи. Вистымо, що въ двохъ охотнише, бо воно зъ вечора мисяцъ примыркае, певне, и дощыкъ буды, бо блыскавка моргае“. Тымъ то, кажу, й гиршы, що непогода заходы, а я шкандыбаю; не кыдай мыне, добродію, я тебе благаю, а то навьяжыцця якый дидко, то здыре останню сирячыну. „Та ходимъ, каже Мыкыты, колы самъ страшыся“. И такъ мы умисци поплылыся, йшлы соби, балакалы, тыхенько чволалы, а тымъ часомъ витры буйни хмари нагонялы. Вистымо дило, я його распытую, буцимъ не знаю чого ходывъ на ярмарокъ, а винъ мини разсказавъ бизъ усякой брехни. А про те й байдуже, щобъ остырыгатысь, що раставленни тенета, колыбъ не пійматысь. Такъ же разсказавъ и дальшы: „Маю и худобу, та, благодарыты Бога, и не безъ грошинятъ“. А я, кажу, добродію, не маю й тягла, и ось, якъ бачышь, крыва людына; а самъ такъ и налягаю на мылныцю, та ще бильше шкандыбаю, бо кожну годыну мыне сатана пидцьковувала на лыхе дило, а на неби насунула чорна хмара, якъ запаска.

Рыве витеръ, зкризь гуляе,
Нема йому впыну,
Рве, та круты, пидіймае
Кожну соломыну.
Схопывсь вихоръ по дорози,
Очи засыпае,

И раскаты чуты грому,
Дощыкъ накрапае.

„Дывися, каже Мыкыта, яка пиднялася пылюга и свита Божаго не выдко, хочь бы швыдчы добрацця до лиса--тамъ можно найты захысця видъ дощу“. Тай пустывся шпарко, ажъ пидтюпцемъ до лису. А витеръ усе бурха, тай бурха, круты гилля, лама дубы, бырестки съ корнемъ выверта. Що його, думаю, робыты? прыпустыты й соби зъ нымъ— боюся выдаты себе, а потыряты його зъ очей, щобъ у лиси не сховався; почыкай, кажу, добродію, ще дождь не заразъ нагряны, успіимо дійты до лису, а то у мене такъ разболилыся ноги, що ледвы-ледвы переволикаю. А тутъ знову гримъ торохнувъ, та не разъ й не двичи, и блыскавка, мовъ гадюка, морга прямо у вичи. Мыкыта ставъ на вколишкы, тай почавъ „Святъ Господь“—читаты винъ предався Богови усимъ сердцемъ, а я, лыхій злодій, худе помышляю, вынявъ ножа изъ за халявы, хвылыну влучаю, якъ бы зъ пидтышка накынутыся на него.

Гримъ торохнувъ, дождь пороснувъ—
Бильшаго не треба,
Стовпъ вогненный розсикъ хмары
До самого неба.
И я кинувсь до Мыкыты
Придать йому мукы;
Край Мыкыты стоить янголь

Развивъ свои рукы
Весь прозирный, мовъ зъ повитря,
Ясни очи въ його,
Разгорнувъ винъ свои крыльця,
Скризъ сяе кругъ его
И страхъ Божій впавъ на мене
Я весь затрусывся,
Мовъ замерло мое сердце,
Я не ворушывся.

Мыкыта усе молився—винъ клавъ до земли поклоны, не знавъ и не видавъ, що діецця кругъ його, а я стоявъ, мовъ укопанный, у мене й рукы, и ногы онимилы, и языкъ одубивъ, на мене напавъ великій лякъ, я уздривъ Господню сылу, я бачу, що Господь, мене не допустывъ сотворыты гриховне дило: я каявся, спизнавъ свій грихъ и при сій думци глянувъ на Мыкыту, котрій ще стоявъ навколишкы. Ну мини зновъ уздрився янголь надъ Мыкытою у повитри, котрій дывывся на мене и хытавъ головою.

И я кынувъ нижъ до долу.
Выдъ закрывъ рукамы:
Се по Божому прозволу,
Шыптавъ я губамы;
За лукаву, лыху думку
Богъ мыне скарае,
Не повынну его душу
Янголь захыщае.
А гримъ гримыть, одно знае,
Разъ по разъ вдаряе,

И блыскавка, мовъ стрылою,
На мены влучае.
И я брякнувся на землю,
Лежу, серцемъ млію,
И на небо пиднять очи,
Глянуты не смію.

Пройшло вже скилькы хвылынъ, грому не стало чуты и блыскывка перестала моргаты, а чорни хмары посунулы геть дальшы. Проглянуло заходяще солнце и небо гарно: расчыстылось, райдуга спустылась обома кинцямы. Въ повитри такъ тыхо, та гарно: кожна бадолынка ожыла, кожна травынка пидняла свою вырхушку, котра була поныкшы видъ спекы, кожный лысточокъ зиленый, якъ перемытый, кожна былыночка выпрямылась. Защыбыталы пташкы на всяки лады, залиталы мытелыкы усякого цвиту, загулы бджолкы; все радило, все высылылось—одному мини було важко на души; одынъ я не мавъ соби супокою: мене мучыло, гнитыло на що я посягавъ. Мыкыта пидступывъ до мены: „що зъ тобою подіялось, паны браты, заныдуживъ чи що? ну, вставай, голубчыку, ходимъ, хочь потыхеньку, до дому“, та й почавъ мыне пидійматы. Ну мыни ще бильше зробылося важще, мыне ще гиршы мучыла совисть, бачу, що винъ такъ сердешно, пыклуецця за своимъ ворогомъ. У мены здавыло горло и полылысь зъ очей слёзы... И пры сихъ словахъ у Петра

справды покапалы слёзы. Винъ утеръ ихъ рукавомъ, уставъ зъ прыспы, важко зитхнувше, и пишовъ у хату.

2.

ДОЛЯ.

Доле жъ моя доле,
Куды ты дивалась?
Доле-жъ, моя доле,
Де-жъ ты заховалась?
Доле-жъ, моя доле,
Де тебе шукаты?
Доле-жъ, моя доле,
Звиткиль выглядаты?
Чы ты въ лиси на ориси
Мыне дожидаешь,
Чы ты въ поли, край дорози,
Макомъ расцвитаешь;
Чы ты въ ставку на поплавку
Рыбонькою бьеся,
Чы ты въ садку на тычини
Густымъ хмѣлемъ въешся;
Чы на грядци въ огороди
Чернобрывцемъ цвитешь,
Чы ты въ лузи на калыни
Соловеечка ждешь;
Чи ты въ поли, до схидъ сонця,

Жыто зъ жныцею жнешь,
Чы ты въ трави, край берега,
Чырыпахою повзешь;
Чы ты въ лиси по деревьяхъ
Птыцею литаешь,
Чы ты въ Кіеви повадарькой
Старцивъ провожаешь,
Чы на хмары зиронькою
На небо злытила,
Чы у раю мижъ святыми
Вечеряты сила?
Де-жъ ты доле забарилась,
Чы зъ дорожкы збылась?
А чи зъ горемъ повстричалась,
Та зъ нымъ повинчалась?
Що до мене не вырталась
На вики сховалась.
И я, бидна дивчынонька,
Бызъ доли зосталась.

Харькивъ 1887 року.

3.

ЗРАДА ДИВЧЫНЫ.

Ой де тій правды певнои шукаты,
Кому свое щыре серденько виддаты?
Ой, до кого тыхо головой схылюся,
До кого серденькомъ мицно пригорнуся.

Кохала козака, щыро, та ще й дуже,
А винъ пиднывидывъ кынувъ, тай байдуже.
Кынувъ козакъ, кынувъ-изъ якои рады?
Насміявся зъ мены тай недавъ порады.
Не судитъ, сусиды, що зо мною буде,
Болыть мое сердце, та не знаютъ люды.
Ой, тяжко, та важко не маю вже й мочи,
И свитъ той нелюбій, туманюцця очи,
Роступыся земле, пріймы мою душу,
Видцурався мылій-загынуты мушу.
Роступыся земле, пріймы мое тило,
Зацип мое серце, ты й такъ уже зтлило!

Харькивъ 1889 року.

4

ПИСНЯ ДИВЧЫНЫ.

Ой, ты блидый мисяцъ и вы ясни зори,
Ой. свититы дороженьку мылому въ диброви;
Щобъ мылій не збывся, та й не забарився,
Щобъ до мене молодои швыденько зъявывся.
Очи-жъ мои кари, горе-жъ мыни зъ вамы,
Сподобалы козаченька—теперъ плачты самы.
„Не мы сподобалы, очиняты самы
Закохало твое сердце, не дорикай намы.
Сердце твое бьется. до козака рвется,
А мы плачымъ, слёзы тратымъ,
Радощивъ не бачымъ“.

5.

ВЪ ДЕНЬ ЯНГОЛЯ.

Здоровъ бувъ Миколо,
Чы гостей бажаешь?
На столи не голо,
Видко, що чекаешь:
Тамъ де е минынныкъ,
Тамъ льецця сивуха
Ну, чогожъ смиренныкъ?
Пидставляй же вуха.
Я спишу, якъ мога,
Мерщій проздровляты,
Потягты за вуха,
Добро побажаты.
Будь же ты здоровій,
Якъ вилъ круторогій
И будь ты богатый,
Якъ грунтъ земли златый;
Нехай тебе янголь
Крыломъ охраняе,
И въ Бога за тебе
Доленки благае:
Щобъ въ поли и въ доми
Удачи частылы
На вси твои рокы
Життя було мыле;
Усякого блага
Отъ Бога бажаю,

Пріймы же отъ друга,
Що я въ себе маю.

Харькивъ 1895 року.

6.

ПРАЦЕВЫТА ЛЮДЫНА.

На риздво Христове,
Раненько, якъ мога,
Чволала зигнувше
До дому небога.
Зъ облычча старенька
И зморшкы вже мала,
Въ рукахъ-же край себе
Торбыну держала;
Вона не старчыха,
Хочь у неи й торбына,
Вона працевыта
Ся бидна людына.
Одна паляныччка
У торби лежала,
Та де яки лики
Изъ собою мала;
Та щей подарунокъ,
Що подарувала
Краморька богата,
Де та заробляла
И нички не спала,

И рукъ не складала
Працею небога
Пани догожала;
Спочынку не мала,
Мовъ мана ходыла,
За те подарунокъ
Хусткы получила:
А ихъ-то чи мало?
Не выдавцемъ дано,
И на взиръ гарненькы
Уси шисть тоненьки;
Та щей не бизъ грошій
До дому звирталась,
Калытка въ кишени
Зъ гришмы тылипалась:
Корбованцивъ зо-два,
Та щей паляныця
И хусткы въ торбыни,
Чого-бъ тутъ журыцця?
Крипка кожушина,
Аджежъ не дыряга
И чоботы добри,
Й рукавычкы мала.
Чого засмутылась,
Чого гирько плачуть
Твои кари очи
И стежкы не бачуть?
Сёгодня радіють
И пьють, и гуляють
Риздво те Христово
Уси прославляють;

Высели, та вбрани,
Мовъ зироньки сяють,
Паны и пидпанкы
Бенкеты справляють;
А ты засмутылась,
Чому не радіешь?
Що ты за людына,
Чому сердцемъ мліешь?
Чы заздристь ты маешь,
Звычаю не знаешь,
Що ты не радіешь,
Не пьешь, не гуляешь?
Судитъ мене люды,
Що я гирко плачу,
Що слезъ не втыраю
И стежкы не бачу;
Я Божа людына
И хрестъ въ соби маю,
Але, быдолашна,
Привиту не маю;
Що холодъ, та вьюга
Й дорога не мріе,
Ни роду, ни плоду
Хто мене пригріе?
Холодна та хата,
Куды я прямую
Та стины ниміи,
Тамъ де я кочую.
Одна, якъ тополя,
Стоишь середъ поля
Чы маешь ту радисть,

Колы така доля?
Въ хороби. та нужди
Бьесся дни и ночи;
Журба, та недуга
Звила мои очи.
Ось пьятый десятокъ
Къ кинцю доживаю,
Та доли не маю,
Марно проподаю:
Що молодость зныкла,
Не згада про долю,
А старисть прыстыгла,
Нема супокою.
Хвортуна кипкуе
Зъ небогы глумыцця,
Що сердце разбыте
Дурнисенько бьется.
Геть, судьба не доля,
Идить соби ризно
И доли не треба—
Теперъ уже пиздно;
И счастя не хочу,
Навищо здалося?
Вже чулое сердце
Зъ бидой понялося.

Харькивъ 1886 року.

7.

ЧУДНЫЙ ПАНЬКО.

Я хлопиць соби чупарный,
Кажуть люды, що я гарный,
Мене дивчата кохають
На вулыцю пидмовляють.
А въ пайматки пычырицы
Збираюцця вычерныци,
А я буцимъ въ не догадку,
Тай забривъ до ныхъ на складку.
А дивчата прибирають,
Сины й хату вымитають,
Одна другу щось пытають,
Та до печи заглядають.
А тамъ порося печене,
А въ локши гуся варене,
Съ потрибкою пырижкы,
Щей начынинины кышкы;
А на запичку горишкы;
Повна рынка, а не тришки
Натулылы голубцивъ,
Та ще й пшоняныхъ блынцивъ.
Поварылы й варяныци,
Поставылы на полыци,
Готовилы ище й медъ,
И сметаны макотеръ;
Й бараболи прыправляли:
Смальцемъ й масломъ полывалы,
А про мене то й байдуже,
Що клыкалы, колысь, дуже.

Иды кажуть, Паньку, зъ хаты,
Мы хочемо уже спаты,
Погасылы каганець
Й посидалы на стилецъ;
А я, мерщій, до полыци,
Та й намацавъ варяныци
И тыхесенько по малу,
Та й вываливъ у смытану,
А дивчата на быду
Радіють що зъ хаты йду,
А я вхопывъ макотеръ
Та попередъ себе перъ;
Хочь не маю, кажу, мьяса,
А вечеря буды ласа:
Нарепкаюсь варяныць,
А дивчатамъ дулю тычь.
Де не взялась видюга
На щытыну моруга:
Хрю-хрю-хрю-хрю по дороги
Та приттю мени пидъ ноги;
Повалыла, покачала
Варяныци поглытала;
Глыта, хрюка скильки мочи,
Заляпала мени очи.

Харькивъ 1889 году.

8.

МАРУСЯ НЕБОГА.

У ныдилю вранци
Маруся гуляла,

Пидъ зыленымъ дубомъ
Вона спочывала.
Видъ важкой работы,
Вылыкой заботы,
Пидъ дубомъ сидила
И серденькомъ млила,
Вона спочивала,
Думала, гадала,
Якъ жыты на свити?
Съ собой розмовляла.
Витыръ повивае,
А лыстячко мае,
Журба зъ нигъ валяе,
Та нихто не знае.
Та й навищо знаты,
Кому разсказаты?
Треба свою думу
Самій разгадаты:
Якъ ще въ свити житы,
И якъ горюваты,
Чы труну купыты,
Та въ неи лягаты;
Думы мои думы
Що мени казаты?
Хочь гирко живецця;
Не хочу вмираты;
Важко разставатысь
Зъ билымъ свитомъ буды,
А ще важче жыты
У вылыкій нудьги.
Живецця такъ важко,

А на души тяжко,
Цилый викъ страждаешь,
Радощивъ не знаешь,
Працюисся, бьесся,
Цилый викъ въ клопоти
Хлибъ той заробляешь,
У кривавимъ поти.
Не тилькы що хлибомъ
Будышь въ свити жыты,
Щей до хлиба треба.
Де що прыробыты:
То купышь свытыну,
Треба ще й хустыну,
Кожуха не зможешь,
Та й босякомъ ходышь;
А сылы не мае
И руки не зможуть,
Живитъ исты просы
Люды не поможуть;
А тилькы шкылюють,
Шпыльки пидпускають:
„Не хоче робыты“
Валюгой взывають;
А того не кажуть,
Що колысь робыла
И годивъ не бачуть,
И що не та сыла.
Та що про це будымъ
Балы разспускаты,
Хто про се почуе
И хто буды знаты?

Кому яке дило,
Якъ кому живецця—
Кому гирка доля,
Кому счастье льетцця;
Бува що вбирецця
Горе въ яку хату,
Не знае изъ виткиль
Якъ его й прогнаты:
Лаецця, та бьецця
Горю дорикае,
Що, пынякуваты,
Звычаю не знае;
Въ другыхъ погостюе,
Та й геть помандруе,
Назадъ не выртае
И двора не знае.
Хиба въ усихъ горе
Цилый викъ кочуе?
Де счасця, та доля
Той его не чуе.
Тамъ затопчуть горе
Танци, та музыка,
Тамъ воно загыне
Не высуне й лыка.
Богаты—счастлыви,
Ничого не бачуть,
Якъ живуть несчастни
И якъ гирко плачуть;
Якъ ту скыбку хлиба
Гирко заробляють,
Якъ ту бидну хату

Въ холодъ отопляють.
Якъ трудовныкъ бьецця;
До послидній сылы:
Тягны, тягны, тягны
Поки кровь застыгны.
Ось про що небога
Маруся меркуе,
Сама соби мымры
И нихто не чуе.
Дарма, гораздъ люды,
Що нихто не чуе,
А хочь хто й почуе,
То не поратуе:
Бо небога хвора
Тиломъ и душою,
Хто зможе прогнаты
Сю хвористь рукою?
И ликы й шыптання,
Що всимъ помогае,
А бидній Маруси
Серденько вражае.
Такъ ни якы ликы,
Бачь, тутъ не поможуть;
Тырпы, душа моя,
Покы рукы зможуть.

1886 року.

9.

ОТВИТЪ КОЗАКОВИ.

Не пытай козаче,
Мій любый коханку,
Чого очи плачуть
Зъ вечера до ранку;
Не пытай козаче
Зъ далекой краины,
Не вражай серденька,
Бидній сыротыни,
Бо хысту не маю
Життя опысаты,
Серцемъ оныває,
Що можу сказаты?
Бьецця мое серце,
Та рвецця на волю,
Та не тее счастя
Склалося на долю;
Хоче воно жыты,
Якъ кожна людына,
А про те й байдуже,
Що я сыротына.
Гирко сыротыни,
Хто про се не знае
Хвора, чи здорова,
Нихто не спытае?
Плачуть мои очи
Въ темненькіи ночи,
Мліють мои груды

Що ще дальше буды?
Безъ доли вродылась,
По свиту мотатысь,
Якъ былына въ поли
Ниде привитатысь:
Все чуже на вколо,
Де окомъ не скыну;
Хто-жъ то прыголубе
Бидну сыротыну?
Не зможу козаче
Бильше разсказаты,
Серденько здавылось,
Щось тяжко дыхаты;
Мука нестерпыма,
Що серце здавылось,
Мовъ гадына тая,
Щось таке обвылось;
Дуже надавыло,
Мовъ та каминюка.
Боже, ты мій мылій,
Яка воно мука.
Бидне сердце чуе,
Що скоро загыну,
Лехше мини буды,—
Я въ земли спочыну!
Забуду про муку,
Якъ въ свити жилося,
Якъ те горюванья
На земли вылося.

1886 року.

10.

ДО БРАТА И ДО НЫВИСТКЫ.

Вы забулы сестру ридну
Пристарилу дивку,
Покынулы якъ ту въ поли
Выдирвану гилку.
Витеръ віе, гилку круты,
Рве, та коте полымъ,
Такъ и сестру рве недоля
Убытую горемъ;
Гилка вьяне, засыхае
На витри въ пылюзи;
Сестра слёзы пролывае
Братови й байдуже.
Лыстя звъяло, гилка зсохла
Нема вже и снасты;
Сестра бликны, серцемъ мліе
Въ жизненной ненасты.
Хмара ходе, витиръ віе
Гилкы вже не мае;
Такъ не стане й сестры скоро
И братъ не дознае.

1887 року.

11.

ДИВЧЫНА МЕРКУЕ.

Гора крута, та высока,
Пидъ горою чорноока
Зъ крыныченьки воду брала
Сама соби меркувала:
Чы прижыне сюды милій
У диброву воливъ пасты?
Чы разскаже чорнобрывій,
Що то булы за напасты?
Що учора изъ вечора
Я на вулыци спивала,
На серденьку було легко
Пычаль мене не чипала.
Казавъ мини чорнобрывый,
Сватывъ буду засылаты,
Щобъ рушныкы готовыла
Добримъ людямъ подаваты.
Я кохала козаченька
Щырымъ сердцемъ и душою,
И хотила житы въ пари,
Щобъ не буты сыротою.
Ну що воно тутъ лучылось?—
Одна дивка учыпылась
За козака, мовъ та кишка,
Оце-жъ каже, бачь, посмишка.
Ачъ якій ты бурлацюга
Зрадывъ мене волоцюга:
Мини кумивъ заклыкаешь,
Къ другій сватывъ засылаешъ.

Ни, стривай-же, вражій сыну!
Будышь знаты ты дивчину:
Подряпаю пыку й спыну,
Потимъ прыкыну й дытыну.
Тоди будешь оце знаты,
Якъ зъ дивками жартуваты,
Якъ другою выхвалятысь,
А изъ мене насмихатысь.

Изъ за горы витеръ віе,
Пидъ горою жито спіе,
Въ диброви козакъ гуляе
Сирыхъ воливъ пидгоняе,
Ходе свистыть, та спивае,
Дивчиноньку дожидае.
Чи не пріиды воды браты?
Треба де що разсказаты;
Та щобъ вона не лякалась
И видъ мене не цуралась,
Бо я ій люблю дуже,
А за тую, то й байдуже:
Бо учора, навеженна,
Учыпылась, мовъ чмаленна:
Соромъ, страму наробыла,
На все село острамыла;
А я хлопицъ соби жвавый
Хоть претворный и лукавый,
За те й шану людску маю,
Дарма й шапки не ламаю,

1891 року.

12.

БАЖАНЬЯ КОЗАКА

Лазывъ, лазывъ по комори,
Лазывъ на дзвиныцю,
Чи не уздрыть дивчыноньку
Въ викно билолицю?
Вечыръ темный, витиръ буйный
Віе завывае,
А дидъ, сторожъ изъ дзвиныци,
Его прогоняе:
„Излазь, излазь, козаченьку,
Зъ дзвиныци до долу,
А то гукну дозорному
Самому старшому“.
„Зацыпъ, мовчи, бородатый,
Годи вже бурчаты,
Ось на, лышень, карбованця,
Та йды, мерщій, спаты.“
Раздывывся бородатый:
„Козакъ чорнобровій,
Та се бачь вы, Богаданы,
Служить вамъ готовій“.

1893 року.

13.

ПОЕДЫНОКЪ.

Лытыть машина, якъ чмаленна,
Унеи удаль мовъ не та,
Свыстыть, крычить оглашенна,
Дымъ клубами вылита.
И винъ разлигся скризь по полю,
Травы зеленый и квиткахъ,
Не пиднявся выще въ гору,
Зоставсь въ повитри у рукахъ.

Мисце поедынка.

Шумыть диброва, ажъ лунае,
Гилля до земли нахыля,
Зозуля умовку немае:
Куку, куку выквыля;
Соловейко, дрибна пташка,
Голоснесенько спива“—
То щибече, то чувика
Тюхы, тыхы залыва;
То ворона инде каркне,
Згучно иволга крычить,
То ящырка въ нору шурхне
Дыркачь у жити задерчыть.

Фылына поедынка.

Шмыгнула куля край реберця,
Зливого боку коло серця,

Попала въ руку на пролитъ,
Де зоставсь кривавый слидъ;
И дымъ въ диброви закадывся,
А лисъ той гуломъ оглушився,
Въ повитри порохъ завонявъ,
Гулъ пташокъ поразгонявъ.

Плачь дибровы.

Трава моя столочена,
Вона кривью пидмочена,
Квитки мои потопталы,
Пташокъ моихъ полякалы;
А я колысь панувала,
Гилья свои шанувала
И до мене на прохладу
Ишлы люды на пораду;
Уси мною любовалысь,
Людски сумы разгонялысь;
Теперъ стогны раздаютця
Зочей моихъ слёзы льются.

Карачовка 1893 року мая 22 дня.

14.

НЕКРУТЫКЪ.

(Оповиданье).

Некрутыка молодого
Въ наборъ знарядылы,
Поставылы у станочокъ,

Та й лобыкъ забрылы.
Плаче старый батько дуже,
И матуся плаче,
За дрибными слизонькамы
И свита не баче.
Стоить некрутъ молоденькій,
Кохана дытына,
Засмутывся, быдолага,
Былій якъ та глина.
Потимъ трохе помовчавши,
Сказавъ: „Боже, Боже“!
Якъ горохъ той зъ карихъ очей,
Покапалы слёзы.
„Не вбывайся, мій батеньку,
И ты, стара нене,
Поставъ свичку, Миколаю,
Молыся за мене.
Я пиду царю служиты
За виру, родыну,
Буду съ туркомъ воюваты,
Якъ самъ не загыну.
Якъ пидъ туркомъ не загыну,
Вырнусь гундырякой,
Серце чуе, що я буду
Хоробрымъ воякой.“
Та не такъ воно лучылось,
Мовъ якъ на прычыну,
Некрутъ турка не побачивъ
Ни въ пыку, ни въ спину.
Въ Ромнахъ рано, до схидъ сонця,
Въ барабанъ забылы,

Молоденькихъ некрутыкивъ
Въ похидъ знарядылы.
Маршутъ бувъ назначенъ прямо
У городъ губерьскій;
Маршувалы некрутыкы
Въ похидъ не турецькій,
А прійшлы у Харькивъ прямо,
Та й тутъ зупынылысь,
Де некрута кари очи
Бильше не смутылысь.
Генералы, полковныкы
Тутъ померкувалы,
Та всихъ оцихъ некрутыкивъ,
И порозтыкалы:—
Куды якый, бачь згодывся,
Всихъ поразмыстылы,
А о цего некрутыка
Пысать посадылы.
Пысавъ некрутъ зъ ранку—рано
До самои ночи,
Спрацювався, бидолага,
Втомывъ свои очи.
Пройшло рокивъ уже скилькы,
Пысарь все труждався,
Винъ начальству ставъ догожій,
Тай у старши здався.
Ему стало вильнишъ трохы,
Можно й отпочыты,
А тымъ часомъ, якъ лучится,
Въ садокъ похылыты;
Съ дивчатамы погуляты,

28311

Тай пожартуваты,
А котра мыла серденьку—
Тай поцилуваты.
Одна дивка чорнобрыва
Его покохала,
Не мовыла не словечка,
Та якъ квитка вьяла;
Винъ до неи якъ той голубь
Вьецця, та воркуе,
То до сердынька прытуле,
А той поцилуе.
Ввываецця, пытаетця,
Чи мене ты любышь?
Чи старостивъ засылаты
Чи моею будышь?
Винъ устане до схидъ сонця,
Сяде папиръ пыше,
Усмихнецця радесенько
Легко, легко дыше;
На сонычко поглядае,
Чи нызько сидае?
Бо вже сыва голубонька
Его дожидае.
А дивчина молодая
Козака чикае,
Та видсуне виконычко
Сю писню спивае:
„Та колы-бъ же, Господы,
Та повичирило,
Та щобъ мое серденько
Та повесылило!

Таколы бъ же, Господы,
Та сонычко зайшло,
Та щобъ мое серденько
Та до мене прыйшло!
Сонычко заходы,
Серденько прыходе,
Та обниме станъ тоненькій
По садочку ходе.
—Подывымось добри люды
Що зъ коханья сего буде,—
Ачи певне правду мае,
Чи щиро іи кохае;
Чивинъ справди закохався—
Може тильки обдурывъ,
Може съ сыроты сміявся,
Та въ серце отруту лывъ?
А дивчина, якъ горлыця,
До козака все горныця
Вона чуе, та не баче,
Чого серце іи плаче,
Стала думаты, годаты
Правды щирои пытаты:
„Скажи мени, милій друже,
Чи кохаешь мене дуже?
Бо я стала прымычаты,
Стало серденько казаты—
Ты зо мною кохаесся,
А буцимъ то цураесся:
Вже й переставъ промовляты,
Щобъ старостивъ засылаты;
Чого мовчишь, мовъ не чуешь,

Мать не добре ты меркуешь“?
Та й заплакала дивчина
Зъ гиркою журьбою.
—„Прощай сказавъ женышина,
Та й махнувъ рукою“.
Що зъ козакомъ тутъ лучылось,
Яке горе приключилось,
Що не чуе и не баче,
Якъ дивчина гирко плаче?
Чимъ же вона прогнивыла:
Чи не щиро полюбыла
Козаченька молодого?
Въ сердце жалю не вложила,
Може серця винъ не мае
Его жалисть не чипае;
Може въ его каминюка,
Що не чипа его мука?
—Ни людочки, се не те—
Е на свити зилье зле,
Що и камень зверне,
И серце оберне.
Козакъ серце мае,—
Другую кохае,
Та вирною дружиною
Іи называе.
Хто-жъ оця другая
Вирная такая?
Козакови чаривъ дала
Вдова молодая,
Сохне, вьяне козакъ серцемъ,
Якъ былына въ поли,

Видцурався дивчинонькы,
Нема ему й доли:
И іисты—не іисцця,
И спаты—не спыцця
Важко, тяжко коло серця
Въ очихъ моторыцця.
Що се за прычина,
Чи воно що буде?
Вдова мене не покыне,
Вона певно любы!
Та щей якъ и любе,
Боже, якъ то дуже,
Якъ побаче, мовъ ясочка:
„Здоровъ, каже, друже!
А мени, якъ гарно,
Заразъ легше стане
И вся туга отъ сердѐнька
Зразу и видстане.
Мовъ той голубъ зъ голубкою,
Такъ и мы воркуемъ:
Прытулымось блызесынько,
Горечка не чуемъ,
Ось колы счастлывій,
Ось колы богатый:
Маю соби дружиноньку,
Пошты якъ жонатый!
А у вдовыци—молодыци
Серце не дивчаче:—
Вона изъ его глазуе,
Винъ за нею плаче.
Удивонька, мовъ дытыну,

Бублыкомъ маныла,
Та довгенько чорняваго
Завусы водыла.
Ось якъ дуже убывалась,
Козака любила,
А панови богатому
Хустку почипыла;
И старостивъ рушныкамы
По перевьязала,
На биднаго женышину
Пьятой накывала.
Ходы козакъ, мовъ чмаленный,
Пересуды слуха,
Бо ся чутка не добрая.
Вже й дійшла до вуха,
Шо удивонька молодая
Зъ другымъ закохалась,
А зъ биднаго женышины
Тильки насміялась.
Гирко, важко, бидоласи,
Посмишищемъ буты,
Теперъ выпывъ того бъ зилья,
Шобъ іи забуты.
Такъ ни яке сій хороби
Зилья не поможе,
Поки вдова не пошепче
Ликивъ не доложе;
Бо ся впирна, лыха хвористь
Не дае виддуху,
Такъ якъ мога треба вздриты
Вдову цокотуху.—

—Удивонька, голубонька,
Що ты наробыла?
Житья мое козацькое
Викъ занапастыла;
Тыжъ божилась, прысягалась
Що моею будешь;
Ты-жъ казала мене певно
Щырымъ серцемъ любышь.
Чи въ недобрій часъ родывся,
А чи така доля?
Ты другого сподобала,
При мисяцю стоя.
—„Не я сама сподобала.
Сподобала маты—
Мени жъ тильки повелила
Рушныки даваты“
—„Та брешишь ты, удивонька,
Правды не сказала:
Бо за гроши сего пана
Сама сподобала.
—„Не вбывайся мій соколе,
Не вбывайся друже,
Бо старого, богатого
Я не люблю дуже.
Хочь и пиду я за ёго—
Дружиной не буду,
Якъ любила тебе зъпершу,
Такъ любыты буду;
Бо винъ старый, та поганый
Хочь и гроши мае,
Та ще дурный, неразумный,

Молоду кохае.
За те буду маты панство
И богато грошій,
Такъ и роблють умни жинкы,
За те и хороши;
А якъ буде ще сварытысь,
То й зовсимъ покыну,
А съ тобою не растанусь
По всюду полыну.
—„Хиба жинци подобае
Оцю ричь казаты,
Абы бъ тильки пійты замижъ
Потимъ мандруваты“.
—„Видчипися, геть марюко,
Не хочу й дывытысь,
И панови не пораю
На тоби жинытысь.
Теперь бачу, що нудьговавъ
Катъ знае и за що.
Хочь ты й гарна, удивонька,
А все жъ ты лыдащо!
Удивонька, бачь, погналась
За двума зайцямы,
Та не зъ однымъ не звинчалась,
Гуля зъ молодцями.
А що жъ зъ дивкою лучилось,
Що вирно любыла?
Пипла замижъ за нелюба,
Головку втопыла.
У не ввази, та не взгоди
Билымъ свитомъ нуде,

Бо першаго, женышину,
Певно, щиро любе.
А що вона меркувала
У гиркій любови,
Якъ козаку вымовляла
У останній мови;
Не гадала дивчинонька
Бильше въ свити житы,
Тай хотила свою душу,
Викъ занапастыты.
Якъ прибигла бачь, до рички,
Тай опомьяталась,
Чи то жъ розуму не маю?
И сама злякалась.
За що дурна, неразумна,
Мушу погибаты,
За що чортамъ свою душу
Буду витдаваты?
Откынувся женышина,
Вже моимъ не буде—
Выйду замижъ и я соби,
Хочь ще й гирше буде.
Выйду замижъ хто трапицця
На свою невзгоду,
Не загублю свою душу
Не шубухну въ воду.
Буду соби побыватысь,
Поки стане снасты,
Бо вже мени не кохатысь
Въ шаноби, та въ счастьи.
Я спочатку и не счулась,

Колы й закохалась,
Пиднывидывъ мене ворогъ,
Що й не сподивалась;
Буду вьянуть, якъ травына
На сонечку въ поли,
Посміявся зъ мене ворогъ—
Не дамъ серцю воли.
Тилько теперъ уже пизно
У серця волю взяты:
Було-бъ спершу схаменутысь,
Тоди не даваты.
Де кохання, де розмова,
Де тыха порада?
Усе зныкло, все пропало,
Осталася зрада.
Зрада, зрада, козаченьку,
А ты-жъ присягався,
Та й глумывся надо мною,
Съ другою кохався.
Уси знали, що сватана
Я дивка ходыла,
Що серебренный обручекъ
На руци носыла;
Уси зналы, що висилья
Ось, ось, скоро буде
И те знаютъ, що виткинувсь,
Та й глазують люды.
Ни, ни швидче пиду замижъ,
Та й минутцця глумы,
Не дамъ бильше слёзамъ ходу,
Не распустю рюмы.

Черезъ тыждень молодіи
Пидъ шлюбомъ стоялы,
Черезъ тыждынь били рукы
На вики зъязалы.
Бликны, вьяне молодая
Жовта, якъ воцина,
Въ пьятый мисяцъ писля свадьбы
Спородыла сына.
Я для тебе мушу житы,
Мое янгелятко,
Бо на горе спородыла
Тебе сердынятко.
Та до сердця пригортае,
Плаче, та голубе;
Охъ, несчастная хвартуна
Тоби въ свити буде!
Бо я хвора, та недужа,
Радощивъ не буды,
Тебе будутъ выростаты
Чужи, чужи люды.
Такъ у смутку маты ридна
Тыхенько мовляла,
А въ кинецъ шостый нидили
Сына поховала,
Не тужила, не вбивалась,
Мовъ бы той байдуже,
Тилькы істоньки не бралась,
Та зигнулась дуже.
Лягла на пилъ спочиваты,
Бо дуже втомилась;
Чи закрыла очинята,

Чи може и дывылась?
А ничь темна, ни зиронькы,
Вона пидхопылась;
Выйшла съ хаты тыхесенько
Ажъ де опынылась:
На цвинтари мижъ гробамы
Дытыны шукала;
Заблудыла межъ хрыстамы,
А потимъ напала
На свижесеньку могилу
Ридной дытыны:
О тутъ ляжу, тай спочину,
Сыну, ты мій сыну!
Тай схылылась знеможенна
Зъ тыха промовляе,
И до хрыста свои рукы
Вона простягае:
—Дытыночка, риднесинька,
Не буду тужиты,
Тилькы й мыслила для тебе
Въ билимъ свити житы.
Богъ узявъ тебе на небо,
Царствуй соби въ раю,
Бильшъ не хочу жить на свити—
Я смерты бажаю.
Выйшла замижъ за нелюба,
Якъ зъ першу казала
И не повынно чоловику
Я свитъ завязала—
Тыперъ треба разъязаты,
Треба волю даты,

И я прыйшла на се мисце
Свій грихъ спокутаты.—
Передъ хрестомъ на могили
Груды раздырае,
Заболило биля сердця,
Мовъ хто ножемъ крае.
—Просты-жъ мене, мылій Боже,
Такъ Бога молыла:
И пидъ шлюбомъ я стояла,
А того не штыла,
Мовъ скотына уступала
У святу святыню;
Передъ вивтаремъ стояла
Вспоминала неню:
Якъ учыла мене маты,
Щобъ я не брыхала,
Щобъ ни кого не дурыла,
Всимъ правду казала.
А тыперь ось що роблю я—
Хиба се не мука:
Одурыла усихъ людей
Дурю й чоловика;
Одурыла и збрыхала—
Прощена не буду;
Не любила чоловика
И любыть не буду.
Я ныкчемна и не зможу
Путной жинкой буты,
Бо не маю сылы воли
Козака забуты.
Розумію що винъ ворогъ,

Хиба се не горе?—
Що подіишь зъ биднымъ серцемъ
Коли воне хворе.
Ось чего я, дытыночка,
И прійшла до тебе:
Ты, янголя, не повынне
Молыся за мене.—
Тай бухнула, мовъ полино,
Изновъ на могылу;
Прыймы Боже, мою душу,
Я тутъ же загыну—
Гай обняла могылоньку,
На вики заснула,—
Що діецця въ билимъ свити
Бильшь вона не чула.....
Подывымось, добри люды,
Чи козакъ спивае,
Чи привита его доля,
А може карае?
Не спивае козакъ писни,
Бо важко живецця:
Хто сміецця зъ бидныхъ сиротъ,
Тому не мынецця,
Всяка напасть, горе, лыхо
На козака впало—
Хочь кидайся зъ мосту въ воду,
Такъ ему припало.
Мабуть й самъ тыперъ расчовпавъ,
Що Господь карае,
Бо все хворій, та недужій
Й хвартуны не мае;

Мабуть слёзы тіи дивкы,
Та на калъ не впалы—
Козакови скризь невзгода
И радощы пропалы....

1883 року.

15.

ДУМЫ.

Мисяцъ, хмары и витеръ.

Хмара хмару нагоняе,
Гримъ по небу гуркотыть,
Дрибный дощикъ засивае
Зъ стрихъ по-малу капотыть;
Витеръ губы распукае;
Чорни хмары разгоня,
Дощь на землю не пускае
Каписть людимъ учиня.
Хмара хмару пидмовляе,
Сонцю позывъ подае,
Сонце-жъ мабуть спочывае,
Бо щось довго не встае;
Мисяцъ ничью заправляе
Все навколо озирае,
Де що робытця и якъ
Все винъ баче небаракъ;
Ось винъ пышно выступае,
Тыхо по небу иде,

Дуже витру докоряе
Й розмову зъ нымъ выде:
Що ты губы распускаешь,
На що хмары разгоняешь?
Не даешь дощеви й ты
Кажишь хмарамъ геть плывты.
Пылюгою все покрылось,
Ты на вкругъ лышень поглянь,
Цвитъ и лысця повьялылосъ
Годи дуты перестань;
Й земля хвора пыты хоче
Хай лышь дощь іи помоче,
Про се певне и самъ знаешь,
А ка зна що вытворяешь.
Витыръ губы распускавъ
Таку мову размовлявъ:
Я скризъ хочу погуляты
Верхы й стрихи зруйнуваты,
Щобъ не було тутъ помихъ,
Бо найстаршій я зъ усихъ.
Тутъ гримъ зразу, якъ торохнувъ,
Витыръ зъ ляку такъ и охнувъ
Заразъ хвистыкъ опустывъ,
Губы мицно винъ стулывъ.
Мисяцъ регитъ пидіймавъ
Гирше витру докорявъ:
А що витре старшій насъ,
А все тоби дуты зась.
Хмары по небу гуляють,
Хмурють брови насупляють,
Гримъ изнову загримивъ,

Перевірено

Дощь густенькій зашумивъ;
Мисяцъ спаты ще не лигъ
Сонце встало въ одынъ мигъ,
Заблыщало, запекло
И видъ ёго скризъ тыпло;
Земля бокы повертае
Та до сонця пригривае
И здорова, и товста
Зъ неи пара йде густа.
Мы, за сю велыку мылость,
Покажимо свою щирость
И небесному Отцю
Поклонымося Творцю!

1884 року.

№ 2831
19 Ш 39

Державна
Наукова бібліотека
ім. Коцюбинського. Харків

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1. Батькова сповидь . . . . . 3.
2. Доля. . . . . 25.
3. Зрада дивчины . . . . . 26.
4. Писня дивчины . . . . . 27.
5. Въ день янголя . . . . . 28.
6. Працёвыта людына . . . . . 29.
7 Чудный Панько . . . . . 33.
8. Маруся небога . . . . . 34.
9. Отвитъ козакови . . . . . 39.
10. До брата и до нывистки . . . . . 41.
11. Дивчына меркуе. . . . . 42.
12. Бажанье козака . . . . . 44.
13. Поедынокъ. . . . . 45.
14. Некрутыкъ (оповиданье) . . . . . 46.
15. Думы . . . . . 62.

ПРОВЕРЕНО 199 г